

СОДЕРЖАНИЕ

7–10 ЛЕТ

Дарья Доцук
НОВОГОДНЯЯ ВЕДЬМА
9

Ася Ванякина
ШАПКА
31

Евгения Чернышова
ЛЬДИНКА
37

11–14 ЛЕТ

Валя Филиппенко
МОЙ НОВОГОДНИЙ ДЯДЯ ШИ
63

Нина Дашевская
ЗАЯЦ В ГЕТРАХ
90

Ирина Богатырёва
СЕРЕБРЯНАЯ РЫБКА
109

7-10
ЛЕТ

Всё началось с того, что Даня Морозов принёс в школу опасную вещь — баскетбольный мяч. И носился с этим мячом по коридору, стуча им по полу, по стенам и чуть ли не по потолку, подвергая одноклассников риску увечий.

— Нет! — встречает Даня, очаровательный шестиклассник в гавайской рубашке с пальмовыми листьями, надетой поверх шерстяной водолазки, и в красной шапке Деда Мороза, из-под

которой виднеется красиво уложенная чёлка. — Не с этого всё началось!

— А с чего? — устало спрашивает классная руководительница Серафима Сергеевна, которой уже не терпится отправить учеников на каникулы и уехать на дачу наряжать ёлку и готовиться к Новому году.

— Так тренер же заболел, физкультуру отменили! — затараторил Даня, оскорблённая душа. — А у нас турнир через месяц с девяносто пятой школой. Мы бы и сами в зале поиграли, но зал-то закрыт, Серафима Сергеевна, и ключей нам не дали! Так что я, Серафима Сергеевна, совсем не виноват!

— А то, что Снегирёва в гипсе?

— А то, что Снегирёва в гипсе, — это трагическая случайность! — изрёк Даня, вспомнив занятия в театральной студии.

— Она теперь не сможет на новогоднем концерте сыграть, — терпеливо объяснила Серафима Сергеевна, надеясь пробудить в ученике честь, совесть и гражданскую ответственность, что в преддверии Нового года и Рождества казалось ей особенно важным.

— А зачем она тогда мяч ловила?! Значит, надо пальцы беречь, если тебе на пианино ско-

ро играть. Я-то тут при чём, Серафима Сергеевна?! — не сдавался Даня.

Классная руководительница вздохнула и посмотрела за окно: сквозь послеобеденную зимнюю темень сыпали и сыпали снежинки. Серафима Сергеевна предприняла ещё одну попытку:

— Даня, а как бы ты себя чувствовал, окажись ты на месте Снегирёвой? Вот представь, ты долго готовился, чтобы сыграть на новогоднем концерте «Бабу-ягу» Чайковского. Это была твоя мечта, твоя любимая пьеса. Ты учил ноты, репетировал, выбирал платье...

Тут Даня прыснул, но Серафима Сергеевна стоически продолжала:

— И вот в день концерта в школьном коридоре тебе в голову летит мяч. Ты пытаешься отбиться и ломаешь палец. Тебе больно, ты плачешь, тебя везут в травмпункт. Там, в холодном коридоре, неприятно мигает лампочка и пахнет лекарствами. Никакого концерта и праздничного настроения.

— Ой, да я бы только рад был, Серафима Сергеевна! Я бы ноты всё равно не выучил, вы же знаете. А так меня бы все жалели, заваливали подарками и сообщения писали: «Выздоровляй, Данечка, ты наш герой!» О! Я б ещё гипс раз-

рисовал в виде тираннозавра и тиктоки бы про него снимал! — раз мечтался Морозов.

Серафима Сергеевна поняла, что воспитательная беседа заворачивает куда-то не туда.

— Я, конечно, рада за тебя, Даня, что ты во всём найдёшь что-то хорошее для себя, но Элина Снегирёва — другой человек, и для неё эта ситуация...

Тут прозвенел звонок, и Даня воскликнул:

— С наступающим, Серафима Сергеевна, спасибо вам за всё! Вы моя любимая учительница! Ну, разрешите откланяться, мне пора!

Закинув рюкзак на плечо, Морозов подхватил орудие преступления и вылетел из класса на свободу, оставив Серафиму Сергеевну наедине с думами о многочисленных испытаниях её нелёгкой профессии.

Тем временем Элина Снегирёва ехала домой из травмпункта на заднем сиденье маминной машины. «Дворники» еле успевали гонять по лобовому стеклу липкие комья снега, а мама, стараясь ни в кого не врѣзаться в предновогодней пробке, без умолку причитала. Но Элина её не слушала. Элину раздражало, что её чёрные волосы выбились из аккуратной косы, а перевязать косу она не могла, потому что

её указательный палец был в гипсе. Сузив покрасневшие от слёз глаза, Элина немигающим взглядом смотрела куда-то сквозь снег и автобусную остановку, сквозь многоэтажные новостройки и украшенные по-новогоднему витрины на первых этажах. Она водила здоровой рукой по своему загипсованному пальцу, и в голове у неё всё громче и громче звучала «Баба-яга» Чайковского, которую она теперь не сыграет на новогоднем концерте.

Машина медленно ползла в пробке, а по улице в распахнутой куртке и новогодней шапке, с баскетбольным мячом под мышкой бежал Даня Морозов. Взгляд Элины мгновенно сфокусировался на обидчике. Она стиснула челюсти и пристально следила, как Даня, разбежавшись, скользит по тротуару. Случайно глянув на дорогу, Даня тоже заметил Элину: она смотрела на него, словно змея из террариума, разве что не шипела. От этого гипнотизирующего взгляда у Дани на затылке волосы зашевелились. Снегирёва угрожающе подняла загипсованный палец. Показалось Дане или нет — в темноте да в снегопад чего только не причудится, — но по стеклу от пальца Снегирёвой как будто разошёлся морозный узор. Ноги у Дани подкосились, он по-птичьи взмахнул

руками, но не удержался и больно грохнулся на лёд. Баскетбольный мяч взлетел и бухнул Даню по голове, а затем отскочил на дорогу — прямо под колёса грузовика — и лопнул так громко, словно граната разорвалась, у Дани аж в ушах зазвенело. Водитель грузовика дал по тормозам и выскочил из кабины проверить, цела ли машина. Элина позволила себе чуть улыбнуться сомкнутыми губами и откинулась на сиденье. Загорелся зелёный свет, и её машина покатила дальше.

Даня с кряхтением поднялся и отряхнул джинсы от мокрого снега. Отвлёкся на эту плаксу Снегирёву — и вот! Мяч резиновой лепёшкой покоился на проезжей части. Жалко, хороший был мяч. «Ну, чего грустить! Взять коньки — и на каток!» — подумал Даня со свойственным ему оптимизмом и засеменил домой, внимательно глядя под ноги, чтобы снова не навернуться.

Прямоугольные новостройки разного роста толпились вокруг двора. В окнах мигали гирлянды, жильцы наряжали ёлки, пылесосили, возились на кухнях. Грузчики заносили в подъезд новый диван в плёнке. Во дворе стояли три маленькие сосны, их тоже кто-то украсил шариками. Даня радовался началу каникул и сам себе улыбался.

Вдруг ветер переменялся и стал больно задуть в уши. Даня застегнул куртку, натянул пониже новогоднюю шапку и потрусил через двор к подъезду. На полпути обнаружил, что снежинки полетели быстро и под косым углом, царапая ему щёки. А через минуту поднялась такая метель, такая свистопляска, что Даня с трудом шёл против ветра, пригибаясь к земле. Что это — Москва или полярная станция? Даня, конечно, знал про изменение климата, даже презентацию об этом делал, но чтобы вот так, за секунду...

Придерживая новогоднюю шапку, чтобы её не унесло, Даня преодолел несколько метров и уцепился за одну из сосен. В глаза летел колючий снег, сквозь пургу едва проглядывали огни новостроек. Даня вертел головой и не понимал: в какую сторону идти, где его подъезд? Неужто он так здесь и застрянет, пока метель не кончится?

Ветер свистел и с удовольствием крутил во дворе снежные смерчи. У Дани ноги промёрзли насквозь, он уже не чувствовал пальцев, как будто в ботинках у него стало пусто, — жуткое, надо признаться, ощущение, — и тогда он решил идти напролом к любому подъезду, лишь бы оказаться в тепле. Вот только сосен вокруг

странным образом прибавилось. Было три, это он точно помнил, а рядом детская площадка с горками. Только она куда-то исчезла. Теперь всюду были сосны. Сосны и ели. Откуда? Что за лес кругом?!

Даня заорал и побежал — сосны не кончались, наоборот, они обступали его, как живые, запутывали дорогу, напирали на него своими колючими лапами. Даня метнулся обратно — но и там выросла чаща. И в довершение всего из ледяной мглы прорезался долгий волчий вой: «У-у-у-у-у...»

Даня выпучил глаза и одним махом вскочил на первую же сосну. Полез наверх, подгоняемый диким стуком сердца и единственным желанием — спасти свою жизнь. Он прижался к стволу и зажмурился.

Сколько он просидел так, слушая, как воют голодные волки? Казалось, до глубокой ночи. Пока не услышал рядом знакомый голос:

— Дань, ты чего тут?

Он открыл глаза: метель улеглась, лес пропал. Возле сосны стоял его папа — в бороде снежинки — и держал на поводке их йоркширского терьера Боню в красном собачьем костюмчике. Боня тявкнул, приветствуя хозяина. Даня обна-

ружил себя на одной из трёх сосен, в тридцати сантиметрах над землёй. Вокруг был его родной заснеженный двор, окружённый со всех сторон новостройками.

Ошарашенный, Даня слез на землю и огляделся.

— Что это было?

И тут он всё понял: за стеклянной дверью третьего подъезда, возле почтовых ящиков и новогодней ёлки, стояла Снегирёва, прислонив к стеклу загипсованный палец. На ней было шерстяное пальто, концертное серебристое платье и туфли, а чёрные волосы были распущены по плечам. Она коварно улыбалась, и по стеклу из-под её пальца расплзалась морозная паутина.

— Что случилось-то? — повторил папа.

— Похоже, у нас в классе завелась ведьма, — пробормотал Даня.

— Н-да, — покивал папа. — У нас на работе тоже есть одна, ну така-ая...

— Пап, мне некогда! — сказал Даня и побежал по глубокому снегу в свой подъезд, а верный пёс Боня тявкал и рвался с поводка вслед за хозяином.

Забежав в квартиру, Даня запер дверь и, как был в куртке и новогодней шапке, уселся в тем-

ноте с телефоном под ёлкой. Отдышался, включил ёлочную гирлянду — вроде стало не так страшно.

«Что делать, если твоя одноклассница — ведьма?» — написал он на сайте вопросов-ответов. Нервно прождал три минуты, обновляя страницу и оглядываясь через плечо, не летает ли там, за окном, на метле Снегирёва.

Наконец один за другим посыпались ответы:

— Вызови экзорциста.

— Гоголя читайте, молодой человек. Там всё написано.

— А хвост у неё есть? Сначала проверь, потом пиши!

— Начни с ней встречаться!

(«Ага, щаз», — прокомментировал Даня себе под нос.)

— Чеснок и осиновый кол.

— А, сорри, это от вампиров. От ведьм даже низнаю что...

— Молитесь...

— Сожги её на костре!!!

— Изготовлю защитный амулет от порчи, сглаза, венца безбрачия. Недорого, гарантия 100%.

— Беги оттуда! «Захочет обморочить дьявольская сила, то обморочит; ей-богу обморочит!»
Н. В. Гоголь.

Руки у Дани затряслись, и он уронил телефон в кучу подарков под ёлкой, забился на диван и накрылся с головой пледом. Прилетит Снегирёва, так хоть не сразу заметит.

«Думай, Даня, думай! Что же делать?!» Не сжигать же Снегирёву на костре, как советуют добрые люди в интернете. Во-первых, как её поймать? К ней же и на метр не подойдёшь. А во-вторых, вдруг она ещё хуже разозлится? Теперь-то он увидел, на какие ужасы способна Снегирёва из мести. Да, если б он знал, то, конечно, не бросал бы ей мяч. Хотя он же предупредил, он же крикнул: «Лови!» Вот вам и тихая-мирная Снегирёва... Кто вообще на НОВОГОДНЕМ концерте играет «Бабу-ягу»?!

— Баба-яга, — вслух повторил Даня и скинул плед. — Что в сказках-то делают, чтобы её победить?

Он нырнул в кучу подарков, откопал телефон и загуглил. Ох и страшная была Баба-яга на картине Билибина, ещё и с волосатыми руками. «Нет, ну Снегирёва, конечно, посимпатичнее», — подумал Даня. Не сделайся она такой злющей, он бы, может, её на каток позвал.

— Бабу-ягу надо задобрить, — прочитал он в «Википедии». — Точно! Новый год же, сделаю

Снегирёвой подарок, она меня сразу простит. Ну или хотя бы не убьёт — турнир же через месяц, и Новый год, и вообще!

Кто-то подёргал ручку входной двери. Медленно повернулся в замке ключ. Даня подпрыгнул и в ужасе спрятался между ёлкой и диваном. Дверь распахнулась. От страха Даня не дышал. В прихожей послышался визгливый лай Бони и голоса родителей. Они обсуждали, что готовить на Новый год: утку или заказать суши, как в прошлом году. Даня выдохнул и схватился за сердце: ох, мне бы ваши проблемы!

— Мам! — Даня выскочил в коридор, и Боня стал прыгать вокруг него, требуя игры. — Да погоди ты, Боня! Мам! Какие подарки нравятся девочкам?

Папа, который как раз помогал маме снять пальто, вскинул брови, а мама лукаво заулыбалась так, что у неё появились ямочки на щеках, и давай пытаться сына:

— А что за девочка? Из твоего класса? Я её знаю? А как зовут?

Даня взвыл, и добрый папа пришёл ему на помощь:

— Ты, кажется, на каток сегодня собирался?

— Вот именно! — вскрикнул Даня, схватил сумку с коньками и вырвался из квартиры, хотя мама пыталась поймать его и обнять.

— Девочки все разные, и подарки им нравятся разные! — крикнула она вслед удирающему к лифтам сыну.

* * *

Стеллажи в супермаркете были завалены парфюмерными наборами, игрушками, свечами, коробками конфет — голова шла кругом. Народ грузил в магазинные тележки банки с икрой, сыры, колбасы, шампанское и присыпал всё это мандаринами и блестящей мишурой.

«Что ей нравится? Да кто ж её знает! — злился Даня, стоя перед стеллажами. — Теперь-то ей нравится убивать одноклассников своим колдовским пальцем!» Даня нашёл Снегирёву в интернете: видео, как она репетирует на белом пианино у себя в комнате, миллион фоток её вест-хайленд-уайт-терьера Снежка, подборка зимних картинок и аудио «Танец феи Драже». Тоже Чайковский, конечно же, ну нет у человека других интересов!

— Шоколад. Все любят шоколад! — определился Даня и схватил красивую коробочку с шоколадными конфетами. Каждая из них была завернута в золотую фольгу и выглядела как настоящая драгоценность, хоть на ёлку вешай. Стоила коробочка тоже недёшево. Даня промаялся пять минут, но всё-таки двинулся на кассу с коробочкой: жизнь дороже — рассудил он.

«Снегирёва, приходи на каток. Есть разговор!» — написал он сообщение, пока стоял в очереди на кассу. Вспомнил её вытянутое лицо в обрамлении чёрных волос и коварную улыбку, от которой у Дани сводило живот. Нет, надо быть смелым, не вечно же от неё бегать. Нажал «Отправить».

Элина ходила по комнате туда-сюда, от кровати до белого пианино, на крышке которого в рамках стояли винтажные рождественские открытки, найденные Элиной и её мамой на блошином рынке. Элина прикладывала к щекам ладони — казалось, от злости у неё поднимается температура. Ни рождественские открытки, ни очаровательная морда Снежка — чёрный нос-пуговка и уши торчком — не могли её успокоить. Хотелось что-нибудь разбить, разорвать, уничтожить! Повинуясь этому желанию, Элина

выставила загипсованный палец, и мигом полотпались все лампочки в гирлянде на её окне. Стало темно, и Элина всерьёз встревожилась — что с ней происходит, и когда это кончится?

Звякнул телефон. Сообщение от Дани Морозова: «Приходи на каток».

«С удовольствием», — написала в ответ Снегирёва и добавила демонический смайлик.

* * *

Под новогодние хиты вроде «Джингл Беллз» на уличном катке в хоккейной коробке носились наперегонки Тимур и Гоша из Даниного класса. Народу было полно — в основном дети, но круче всех рассекал по кругу дедушка в старинных гоночных коньках с длинными полозьями. Даня прыгал на снегу возле катка, чтобы не мёрзнуть.

— Ты кататься-то будешь? — спросил двухметровый Тимур, врезавшись рядом с Даней в бортик хоккейной коробки.

— Да, да, — отмахнулся Даня. — Отдам кое-что и приду.

Тимур пожал плечами и пустился в погоню за Гошей.

«Ну где ты ходишь!» — сердился Даня, высматривая Снегирёву на дорожке. Но кроме дворника в оранжевой куртке, расчищающего эту дорожку от снега то лопатой, то метлой, никого там не было.

Вдруг кто-то ткнул Даню в плечо. Он резко обернулся и чуть не вскрикнул. Снегирёва! Она тронула его своим заколдованным пальцем! Даня весь сжался от ужаса. Элина заправила за ухо чёрный локон и улыбнулась, довольная произведённым эффектом.

Даня гневно засопел, но всё же выставил вперёд коробку золотых конфет и сказал:

— С днём рождения... тьфу ты... С Новым годом! Это тебе... м-м... от меня.

Элина недоверчиво изогнула бровь и сложила на груди руки, не спеша брать подозрительную коробку. Даня шмыгнул носом. Коробка мелко задрожала у него в руках. От холода, конечно.

Элина испытующе на него посмотрела и одну конфету всё же взяла.

Тимур толкнул юркого Гошу в бок и указал на свежее испечённую парочку. За спиной Элины парни принялись гоготать и посылать Дане воздушные поцелуйчики. Даня скорчил друзьям

угрожающую гримасу: пусть знают, что нарываются. Заметив это, Элина, не оборачиваясь, приподняла палец, и Тимур с Гошей растянулись на льду и застонали.

Заиграла какая-то медленная рождественская песня.

— Спасибо, — сказала Элина, развернула золотую фольгу и надкусила конфету.

Даня выдохнул. Наконец-то их вражда и жуткое колдовство остались позади.

— Может, хочешь покататься? — предложил он.

Элина резко изменилась в лице и перестала жевать. Она выглядела так, словно съела не конфету, а живую жабу.

— Нет, ну не хочешь — не надо! — сразу же открестился Даня.

Воспитание не позволяло Элине просто выплюнуть конфету, она всё-таки её проглотила, но по тому, как сузились её глаза и сжались губы, Даня понял, что до Нового года он не доживёт.

— У меня аллергия на орехи! — взорвалась Элина и взмахнула колдовским пальцем.

В ту же секунду метла выскочила из рук удивлённого дворника и полетела напрямик Дане в голову. Тот бросил конфеты, перемахнул

через бортик хоккейной коробки и прямо в ботинках побежал по льду. Из динамиков хлынула залихватская плясовая «Трепак» из «Щелкунчика» Чайковского. Под Новый год Даня слышал её тысячу раз, но, конечно, понятия не имел, как она называется. Да и некогда ему было прислушиваться — за ним по воздуху с олимпийской скоростью гналась метла.

— Бегите! — крикнул Даня друзьям, прошемыгнув между ними.

Гоша и Тимур только оправились от падения и сперва решили, что летающая метла им мерещится, но стоило ей приблизиться, заорали и кинулись врассыпную. Дедушка-конькобежец отважно схватил метлу за хвост и потянул к земле, но та вырвалась и снова устремилась за Даней.

На катке поднялась паника. Люди визжали, прикрывали головы, неуклюже падали и торопились покинуть лёд хотя бы ползком. Дворник грозно отдавал метле какие-то команды на своём языке, как если бы она была собакой, но это не помогало. У метлы была новая хозяйка. Элина водила пальцем и управляла метлой, чтобы та не задела никого, кроме главного врага. Вон он, удирает по льду в красной новогодней шапке.

Запыхавшийся Даня обернулся и увидел, что метла его нагоняет. Он оттолкнулся и прыгнул через бортик в сугроб. Метла врезалась в ограждение, но тут же встряхнулась и махнула за Даней вслед, поднырнула под него и, когда он оказался верхом, взвилась вместе с ним в чёрное небо. Люди ахнули. Даня завопил и вцепился в метлу, которая мотала своего наездника зигзагами, точно бешеный бык.

От снегопада рябило в глазах, и снизу было не разглядеть, как там Даня, и что с ним творится. Гоша с Тимуром, дворник с конькобежцем и остальные напряжённо таращились в небо.

Музыка поменялась снова — на этот раз она сделалась тихой и таинственной, как сама новогодняя ночь. Даня был так высоко в небе и так громко орал, что ничего не слышал. Но мелодию услышала Элина — это был хорошо знакомый ей «Танец феи Драже» из «Щелкунчика».

Метла мало-помалу утихомирилась и, кружа в воздухе под хрустальный перезвон, спустилась на землю изящно, как балерина. Даня в новогодней шапке набекрень сидел на метле с одурелым видом, как после худшего в жизни аттракциона. На глазах у всех метла несла Даню к Снегирёвой. У Дани перед глазами

промелькнул весь этот ужасный день, с самого утра: закрытый спортзал, баскетбольный мяч, слёзы Снегирёвой, Серафима Сергеевна... Вот бы вспомнить, что там говорила учительница, — Даня уже был готов на крайние меры. «Элина — другой человек, и для неё эта ситуация...» — прозвучало в голове.

Даня собрался с духом и решился на отчаянный шаг.

— Я виноват! — закричал он. — Прости, я больше не буду!

Метла зависла в полутора метрах над землёй. Элина растерянно смотрела то на Даню, то на свой загипсованный палец.

Дане было уже всё равно, что его друзья всё слышат, и он продолжал:

— Из-за меня ты не сыграешь на концерте! Я понял, как это для тебя важно! Как для меня — баскетбольный турнир. Прости! Я хочу всё исправить! Только скажи как!

Тимур, Гоша, дворник и конькобежец с надеждой посмотрели на Элину, ожидая её решения. Она хлопала ресницами и пыталась пригладить рукой растрепавшиеся волосы. В этот момент Даня понял, что она больше не ведьма, а прежняя Снегирёва.

Метла мягко опустилась, и Даня шагнул на землю, пошатываясь, как после полёта в космос. Голова у него закружилась, и Тимур с Гошей поддержали его, чтобы тот не упал. Дворник опасливо подобрал свою метлу и осмотрел черенок, а народ разразился аплодисментами.

— Вот это шоу! — воскликнул пожилой конькобежец. — А в небе это такая проекция, да? Ну талантлива молодёжь! А я-то поверил, и давай метлу за хвост хватать! — рассмеялся он.

Младшие дети выстроились, чтобы сфотографироваться с Даней Морозовым и метлой. Хорошо, что мама с папой не видели этого шоу, думал Даня, принимая театральные позы, как учили в студии.

Когда поклонники разошлись, Даня подошёл к Элине и смахнул испарину со лба новогодней шапкой: тяжела жизнь артиста.

— Ну, если б я извинился сразу, на метле бы не полетал, — усмехнулся Даня.

— За что — за палец или за конфеты? — уточнила Элина.

— Откуда ж я знал про конфеты! Хорошо, что вообще извинился, а то ты так бы ведьмой и осталась, — пробурчал Даня.

— О, ну твои извинения ни при чём, это на меня музыка так подействовала. Но и ты тоже извини: за метлу, мяч и метель. Это было уже слишком с моей стороны, — сказала Элина.

— Ещё волки, — напомнил Даня.

— Да, прости, волков я беру обратно, — улыбнулась Элина и пошла по дорожке домой.

Даня побежал за ней.

— Погоди, погоди, что значит музыка так на тебя подействовала?

— Ну Чайковский. Сначала «Баба-яга», а сейчас вот «Танец феи Драже» — ты что, не слышал? Музыка меня и расколдовала.

— То есть я зря, что ли, извинялся?! — опешил Даня.

Снегирёва расхохоталась, как настоящая ведьма.

Ярость Снегирёвой улеглась, как ночная метель, а вот палец колдовал до тех пор, пока гипс не сняли, аж до конца январских каникул. В новогоднюю ночь Элина устроила одноклассникам северное сияние над новостройками и покатала всех желающих на метле, даже дворника. А Даня, к папиной радости, стал чаще гулять с Боней — потому что Боня уж очень подружился со Снежком Снегирёвой.

Я связала Мите шапку. Красную, с большим помпоном. Я в жизни ничего не вязала, но тут листала ленту и случайно увидела ролик: весёлая девушка сидит на подоконнике бок о бок с рыжим котом и под бодрую музыку показывает, как связать шапку. Всё это выглядело таким простым и понятным, что мне немедленно захотелось попробовать. Как это — вязать, стучать спицами и считать петли, слушать музыку и ни о чём не думать.

Я вязала и вспоминала, как прошлой зимой вышла из школы и увидела Митю, бредущего домой под снегопадом. Волосы у него чёрные, снег на них казался ещё белее, чем обычно. Пока он дошёл до автобусной остановки, на голове выросла снежная шляпа. Он её раз — и смахнул. Шляпа разлетелась в разные стороны, а волосы остались мокрые. И я ещё подумала: вот дурной, ведь декабрь на дворе.

А потом мы с ним выиграли в «Шляпу», а потом вместе готовили проект по истории, а потом я сама не заметила, как пошла в магазин и купила нитки для его будущей шапки. Ярко-красные. Подумала, что будет красиво — красное на чёрном. А если ещё и снегопад, то вообще как будто яблоко очнулось зимой на ветке и висит под сугробом.

Шапка получилась большая и по-хорошему дурацкая, сама бы такую носила. Жаль только, что мне красный не идёт. Для себя мне хотелось светло-коричневую, под пальто, как раз такую вязал девушка в ролике. Но вторую я не осилю. Конец года на носу, тесты, контрольные, потом когда-нибудь свяжу.

А сейчас надо было решить гораздо более важный вопрос: как ему теперь эту шапку отдать?

— Просто подойди и подари, — сказала моя подруга Нинка. У неё всё «просто». Вдруг ему не понравится? Может, он вообще не любит шапки? Решит ещё, что я ненормальная...

Мне даже сон приснился: прихожу утром в класс, а она лежит в мусорке. Помпон из ведра уныло свешивается, и сверху вежливая записка: «Прости, Даша, но шапка ужасная!»

Я ходила мучилась и всё проговаривала про себя: «Митя, это тебе. Я вот тут тебе, Митя, шапку связала. Это тебе подарок, Митя». Митя-Митя-Митя, меня уже тошнило от нерешительности, но я всё ждала подходящего момента. Как-то папа мне сказал, что в любом сложном деле важно подловить подходящий момент, тогда всё получится.

Перед самым Новым годом мы с классом поехали в Париж. Звучит ого-го, но у нас французская спецшкола, и наша французенка считает, что выучить язык по-настоящему можно только если бродить по городу и болтать с прохожими. Но о «болтать» и речи не шло — в наш первый парижский день я не могла даже простое «bonjour» из себя выдавить. Наверное, всё дело было в том, что я взяла многострадальную шапку с собой и теперь бесконечно размышляла, на-

ступил ли уже подходящий момент или ещё подождать...

В городе стоял туман. Мы катались на двухэтажном автобусе, и ничего не было видно. Узкие балкончики, резные решётки, деревья на крышах и даже Эйфелева башня — всё куда-то спряталось. Только новогодние огоньки просвечивали сквозь туман, словно в этом месте кто-то потёр его ластиком. Француженка была недовольна, а мне нравилось: Париж был цвета кофе с молоком, *café au lait*, которое я сегодня пила за завтраком в нашем отеле. А огоньки словно обещали праздник, который был где-то неподалёку.

Одноклассники у меня хорошие, но иногда напоминают обезьян, особенно когда начинают друг за другом повторять всякую ерунду. Вчера Поплавская купила огромный зонт и снимала под ним тик-токи с багетом. А сегодня уже десять человек с такими же зонтами танцуют перед булочной и жуют круассаны. Смешные. Вот и Митя смеётся, а сам, между прочим, уже синий от холода. Надо было ему тоже с зонтом попрыгать.

Пока мы ехали на экскурсию к Эйфелевой башне, все смотрели в телефоны и считали, кто сколько съел круассанов, а потом мы вышли из автобуса, и оказалось, что туман рассеялся.

«Какая встреча! — завопил Трофимов. — Эльфовая башня! Прямо как в рекламе!»

И все засмеялись.

Она казалась на вид такой лёгкой. Как будто какой-то эльф-великан взял башню за верхушку двумя пальцами и перенёс из своей коробки с конструктором прямо в Париж. Мне даже захотелось это нарисовать, и я полезла за блокнотом, но тут пришёл наш экскурсовод... Оказывается, за сто тридцать лет башню красили в самые разные цвета. Сначала она была красной. Её создатель Эйфель считал, что это самый лучший цвет. Потом её много раз перекрашивали, чтобы она не заржавела. И даже называли один оттенок в её честь — «коричневый-эйфелевый».

И вот мы едем в лифте на вершину башни, а я всё думаю: вот он натягивает мою шапку, и все смеются. И фотографируют, чтобы выложить у себя в сторис с какой-нибудь нелепой надписью. А Митя стоит в ней смущённый, а потом снимает её и отдаёт обратно: «Спасибо, Плетнёва, но нет». И я краснею, прямо в цвет шапки, и начинаю у всех на глазах запихивать её в рюкзак. Упрямый помпон не помещается и застревает в молнии ярким пятном. Я её дергаю, помпон отрывается, падает вниз и катится по зимней